

РАДБ

АНКЕТА на заграничен паспорт

Цель получения

Сиражудин Гусейнов

Раб

«Автор»

2026

Гусейнов С. М.

Раб / С. М. Гусейнов — «Автор», 2026

Психологическая драма с элементами магического реализма о «маленьком человеке» в провинциальной администрации, который согласился верить бумагам, а не собственным глазам, и незаметно стёр себя из реальности.

© Гусейнов С. М., 2026

© Автор, 2026

Сиражудин Гусейнов

Раб

Пролог

В 2024 году поселок городского типа Таежный все еще был Таежным.

Не тем, что показывают по телевизору, когда говорят о развитии инфраструктуры или новых инвестиционных проектах. А тем, который существовал сам по себе. На карте области он был отмечен как административный центр Верхнетаежного района, но на деле оказался ее тихой, забытой окраиной. Здесь не было новых дорог, не строили мостов, не открывали заводы.

Сюда не доходили деньги, не доходили реформы, не доходили даже новости — в том смысле, что они не меняли ровным счетом ничего.

Как будто большая история решила, что ему нечего предложить, и просто забыла о нем.

Но забытое не значит пустое.

Здесь стояли деревянные и панельные дома, районная администрация с облупившимся фасадом, единственная школа, одна поликлиника и продуктовый магазин, который закрывался на обед. Здесь люди ходили на работу, платили налоги, голосовали на выборах.

Здесь дети ходили в школу, старики — в поликлинику, а по выходным, если позволяла погода, жители выбирались в лес по грибы или на речку. Жизнь шла своим чередом — медленным, привычным, незаметным.

И в центре этого поселка — на главной улице, которая называлась Советской, — стояло двухэтажное серое здание администрации Верхнетаежного района.

Оно было построено еще в семидесятых, и с тех пор ни разу не ремонтировалось. Фасад облупился, окна давно не мыли, а на крыльце не хватало одной ступеньки — ее заменили доской, которая скрипела под ногой. Внутри пахло бумагой и пылью. Стены были выкрашены в бледно-желтый казенный цвет, какой помнят все, кто хоть раз переступал порог подобного учреждения. На первом этаже — паспортный стол, бухгалтерия, архив. На втором — кабинеты начальников, зал для планерок и маленькая комнатка, где сотрудники пили чай и сплетничали о коллегах.

Здесь текла та же жизнь, что и в любой другой районной администрации в российской глуши, — бумаги, отчеты, проверки, приказы. Здесь работали люди, которые считали себя частью государства, хотя государство редко вспоминало о них. И один из таких людей — Илья Сергеевич — работал здесь уже пятнадцать лет.

Он был заместителем главного бухгалтера. Человеком, который проверял цифры, ставил резолюции и следил за порядком. Коллеги называли его «честным Ильей» — за глаза, с легкой насмешкой, но и с уважением. Он не брал взяток, не подписывал липовых бумаг, не закрывал глаза на ошибки. В этом мире, где все так или иначе играли в свои игры, Илья оставался исключением.

Он жил один в маленькой квартире на окраине Таежного — в панельной пятиэтажке, каких в поселке было с десяток. Жена ушла лет десять назад, детей не было, друзей тоже.

Вся его жизнь была работой.

Утро

Илья проснулся за минуту до будильника. Глаза открылись сразу, без тяжести. Привычка, выработанная годами, работала точнее любого механизма. За окном висел ровный, серый свет дальневосточного утра — в 2024 году этот свет был точно таким же, как в двухтысячном или тысяча девятьсот восемьдесят первом.

Время здесь не двигалось вперед, оно просто сменяло даты на календаре. Зимой — холод, летом — комары, осенью — грязь по колено.

И так всегда. Илья откинул одеяло, сел на край кровати. Кровать скрипнула — старой, привычной но той. Комната встречала его тишиной. На стенах — ничего лишнего.

Ни картин, ни фотографий. Только бежевые обои, которые он не менял уже лет десять. На тумбочке — старый будильник, стопка книг, которых он никогда не открывал, и очки в черной оправе.

Он надел их, встал, прошел по коридору. Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, прихожая. В каждой вещи чувствовался порядок. Полки прибиты строго по уровню, книги на них — по алфавиту, полотенца на кухне висят на одинаковом расстоянии друг от друга. Илья сам проверял это по утрам, не задумываясь.

Он не любил беспорядок. Беспорядок — это когда что-то не на своем месте. А когда все на своем месте — на душе спокойно.

Он прошел на кухню. Здесь тоже было чисто — до блеска вымытая раковина, пустая сушилка, на столе — чашка с ложкой, приготовленная с вечера. За этой чашкой он пил чай уже лет пятнадцать. Она стояла на одном и том же месте — правый угол стола, чуть дальше от края.

Он подошел к плите, поставил чайник. Потом потянулся к кнопке телевизора, стоящего на холодильнике. Экран моргнул, и серую тишину квартиры мгновенно заполнил бодрый, уверенный голос диктора. Диктор говорил о вещах далеких, масштабных и правильных. О том, что страна движется верным курсом. О том, что все трудности преодолимы. О том, что враги будут наказаны, а друзья — вознаграждены.

Илья слушал, насыпая заварку в заварник. На душе было спокойно. Голос в телевизоре расставлял все по своим местам, отделяя черное от белого, правильное от неправильного. Илья согласно кивнул экрану. Мир был устроен логично. Чайник закипел. Илья залил воду, накрыл чашку блюдцем, подождал минуту.

Потом открыл холодильник, достал банку с вареньем. Вишневое.

Он всегда покупал вишневое. Ложка вошла в банку с мягким, вязким сопротивлением.

Он намазал варенье на хлеб, откусил. Сладко. Приторно. Липко.

Он пил чай медленно, маленькими глотками, и смотрел в окно. Там был двор — панельные пятиэтажки, детская площадка с ржавыми качелями, пустая дорога. Ничего не менялось.

Никогда. Ложка мерно стучала о края чашки. Илья ел не торопясь, фиксируя этот привычный, незблемый комфорт своего утра. Телевизор на холодильнике что-то говорил о мировых рынках. Илья не вслушивался, но голос диктора был как фон — ровный, уверенный, убаюкивающий.

Он создавал ощущение, что все правильно. Что он, Илья, — правильный человек, который живет правильной жизнью в правильной стране. Когда чай был допит, Илья отнес чашку в раковину, сполоснул, поставил в сушилку. Прошел в ванную. Умылся холодной водой — раз, два, три. Вытер лицо жестким полотенцем. Посмотрел на себя в зеркало над раковиной. Щетина — уже темная, надо побриться.

Он взял бритву, провел по щекам — привычные движения, без лишних мыслей. Потом надел рубашку. Белая. Наглаженная. Каждый раз он гладил ее с вечера, чтобы утром не тратить время. В прихожей он привычным движением повязал галстук, затянув узел ровно по центру воротника. Поправил лацканы пиджака, одернул рукава. Посмотрел в большое зеркало на трюмо и одобрительно кивнул своему отражению.

Все было правильно. Рубашка белая, галстук темно-синий, пиджак сидит хорошо. Взгляд — спокойный, уверенный.

Он узнавал себя. Каждое утро он смотрел в это зеркало и видел знакомое лицо, и это успокаивало.

Он повернулся к двери, и его взгляд скользнул по стеклянной поверхности трюмо. Там, под старой ключницей, белел сложенный вдвое лист бумаги. Анкета на загранпаспорт. Бланк лежал здесь уже пять лет. За это время бумага слегка пожелтела по краям, а в графе «Цель получения» так и осталась звенящая пустота. Илья не стал задерживать на ней взгляд. Его глаза автоматически перевели фокус дальше, словно листа бумаги вовсе не существовало.

Он взял ключи с тумбочки. Проверил — ключи от входной двери, ключи от кабинета. Все на месте. Сунул их в карман. Потом задержался на секунду, рука уже лежала на ручке.

Он посмотрел на дверь. Потом снова, почти неосознанно, перевел взгляд на анкету. Белый прямоугольник на темном дереве.

Он видел его каждое утро. И каждое утро его мозг делал одно и то же — отключал зрение на долю секунды, чтобы не замечать. Анкета лежала здесь так долго, что стала частью интерьера, как трещина на стене или пятно на обоях, которое перестаешь видеть после первого года. Илья дернул ручку, вышел на лестничную площадку. Щелкнул замок.

Он спускался по лестнице медленно — каждая ступенька была знакома до боли. На третьем этаже пахло капустой и табаком, из-за двери доносился голос телевизора. Илья прошел мимо, не ускоряя шага. На улице ударил холодный, колющий воздух.

Он заполнил легкие, и Илья на секунду задержал дыхание, привыкая. Было раннее утро. Солнце еще не поднялось над крышами панельных пятиэтажек, но небо уже посерело — не то рассвет, не то просто очередной день без солнца. Дорога была пустой. Ни машин, ни людей. Только ветер, сухой, злой, гнал по асфальту обрывки газет. Илья пошел к администрации.

Он ходил этой дорогой пятнадцать лет — и каждый день одно и то же. Сначала мимо старого гастронома с облупившейся вывеской «Продукты», потом через пустырь, где когда-то обещали построить парк, потом вдоль забора бывшего завода, который закрыли еще в девяностых. Забор ржавел, но стоял — тоже уже лет тридцать. Илья не думал об этом.

Он просто шел. Здание администрации было двухэтажным, серым, с облупившейся краской на фасаде. Когда-то оно было белым. Теперь оно было цветом пыли. Илья подошел к крыльцу, поднялся по ступеням. На входе его уже ждал старый охранник дядя Коля — полусонный, с вечно опухшими глазами. — Здорово, Илья Сергеич, — буркнул он, не глядя. — Здравствуйте, — ответил Илья, кивая.

Он прошел через вертушку, свернул в коридор. Здесь пахло бумагой, пылью и старым чаем — тем самым, который заваривали в общей кухне и оставляли в чашках до следующего утра. Коридор был длинным, с желтым казенным освещением, с табличками на дверях. Илья шел не торопясь, привычно сворачивая в нужный проход.

Он остановился перед дверью с табличкой: «Отдел бюджетного учета и отчетности». Достал ключи, открыл. Зашел внутрь. Кабинет был такой же, как вчера — стол, компьютер, сейф в углу, стулья для посетителей, на стене — календарь с прошлогодним видом города. Илья сел за свое место, положил ключи на стол, включил компьютер. На душе было спокойно. Как всегда. За окном все так же висел серый свет, и телевизор на кухне уже не работал — но его голос все еще звучал в голове Ильи, ровный, уверенный, убаюкивающий. Он открыл первую папку. Начался рабочий день.

Отдел

Илья зашел в кабинет, положил ключи на стол. Компьютер уже гудел — кто-то включил его с вечера. Илья сел, провел рукой по клавиатуре, привычно коснулся пальцами букв.

Сейф в углу стоял приоткрытый — главбух уже был на месте. Илья глянул в ту сторону и увидел знакомый затылок — Сергей Петрович, главный бухгалтер, сидел за своим столом, склонившись над бумагами. Не поднял головы, не поздоровался. Он всегда так — вежливо, но отстраненно. Илья не обижался. Сергей Петрович занятой человек, у него своя работа. Илья тоже работал. У каждого свои задачи.

Он открыл папку, которая ждала его с вечера. Ведомости за прошлый квартал. Проверка целевого использования. Знакомые строки, знакомые цифры. Все правильно, все сходится. Илья пересчитал суммы по каждому пункту, сверил с приказами, поставил галочку. Потом еще раз — уже для себя. Он всегда проверял дважды. На всякий случай. Сбой в системе — редкое дело, но бывает. А он отвечает за порядок.

— Илья, слышал, ты вчера у начальника был?

Голос был справа. Илья поднял глаза. Петров стоял у его стола с чашкой, щурился. Петров это коллега Ильи Сергеевича, они давно работают вместе.

— Был, — сказал Илья.

— И что, прямо герой?

Илья пожал плечами. Он не понял, к чему тот клонит. Петров часто говорил странно — как будто что-то имел в виду, но не договаривал. Илья не вдавался. Может, просто шутит.

— Работаю, — ответил он и показал на ведомости. — Сроки поджимают.

Петров усмехнулся, махнул рукой и отошел. Илья смотрел на него пару секунд, потом вернулся к бумагам.

Слева за столом Сидорова, женщина в очках, что-то печатала. Не поднимая глаз, она сказала:

— Илья Сергеевич, вы сегодня на обед? А то я слышала, в столовой котлеты.

— Да, наверное, — ответил Илья.

Он любил котлеты. Они были сытные, как в детстве. Он не помнил, когда в последний раз ел котлеты дома — дома он ел только варенье и хлеб. На работе другое дело. На работе все по расписанию — завтрак, обед, ужин. Порядок.

Петров и Сидорова были коллегами Ильи. Они давно работали вместе.

Петров был из тех, кто умел брать то, что плохо лежит. Не вор — он бы никогда не назвал себя вором. Но если в ведомости затесалась лишняя цифра, которую никто не заметит, Петров мог тихо перенаправить её в карман. Без шума. Без следа. Так, что и через год комиссия не нашла бы концов. Коллеги подозревали, что он не чист на руку. Поговаривали, шептались за его спиной. Но вслух никто не решался говорить — слишком умело Петров обходил блоки и слишком хорошо знал систему. Он не был врагом порядка — он был его тенью.

Сидорова была другой. Она не брала, не воровала, не хитрила. Она просто плыла по течению. Она давно должна была быть на пенсии — возраст позволял, стаж позволял, бумаги давно лежали готовые. Но она попросилась остаться. Уйти в никуда было страшно. Дома — тишина, пустая комната, муж умер пять лет назад. А здесь — люди, разговоры, привычный ритм. Она знала все про всех: кто с кем спит, кто кому должен, кто где взял и кто где утаил. Но она молчала. Потому что если она заговорит — её отправят на пенсию. А ей нужно было ещё хотя бы несколько лет. Тихо. Без вопросов. Просто сидеть и перекладывать бумаги.

Илья закрыл папку, взял следующую. Снова цифры, снова проверка. Всё как всегда. Илья чувствовал себя спокойно. Он знал, что делает. Он проверял каждую строчку, и ни одна не уходила от его внимания. В этом был смысл его дня, его недели, его жизни. Порядок. Работа. Польза.

К обеду он дописал резолюции на всех бумагах. Поставил подпись — размашистую, ровную, как учили когда-то. «Проверено. Целевое использование подтверждено.» Он убрал папку в сторону, потянулся, почувствовал, как хрустнул позвоночник. Встал из-за стола.

В столовой было пусто — он пришел чуть раньше обычного. Взял поднос, картошку, котлету, компот. Сел у окна, как всегда. Смотрел на улицу, где серый свет висел над панельными домами. На деревьях уже не было листьев, и через голые ветки проглядывало небо.

Он ел не спеша. Котлета была горячее, с поджаристой корочкой. Хорошо. Он вдруг подумал: как хорошо, что есть такие дни. Когда все правильно. Когда цифры сходятся, подписи стоят, а на душе — тихо. Он не был счастлив — он вообще редко думал о счастье. Но он был спокоен. А это было важнее. Спокойствие — оно как варенье, липкое и сладкое. Оно обволакивает.

Когда он доел, вернулся в кабинет. Сергей Петрович уже ушел — то ли в другой отдел, то ли к начальнику. Илья сел за стол, посмотрел на часы. Еще полдня.

К нему подошел Петров, уже без чашки. Наклонился над столом, сказал почти шепотом:

— Илья, слышал, главбух наш собирается в отпуск. На два месяца.

Илья поднял голову.

— Да? Не знал.

— Ага. К нам придет и.о. Вот тогда пошустрим, — Петров подмигнул. — Или ты уже и.о.?

— Я? — Илья не понял, к чему тот клонит. — Я же зам.

— Вот и я говорю, — Петров хмыкнул. — Сам себя не похвалишь — никто не похвалит.

Он отошел, оставив Илью смотреть в бумаги. Илья подумал над его словами. Не понял, но и не стал думать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.